
Таисия Логовская
Муж подарил любовнице пекарню.
А работать велел мне

Таисия Логовская

Муж подарил любовнице пекарню. А работать велел мне.

https://litres.ru/74707248
SelfPub; 2026

Аннотация

— Светлана теперь хозяйка, — сказал муж и положил передо мной бумаги. — А ты завтра к шести приходи. Покупатели твои булочки ждут.

Двенадцать лет я поднимала нашу пекарню: месила тесто до рассвета, учила работников, спасала заказы. А Павел оформил фирму на любовницу и решил, что мои руки тоже достались ей в подарок. Только одного он не предусмотрел: я могу уйти.

Мне сорок шесть. Впереди — съёмная квартира, чужой цех, новая работа без прежнего авторитета и люди, которым удобно считать меня виноватой. Но я всё ещё умею печь хлеб. И впервые хочу жить не ради чужой выручки, а по собственному выбору.

История измены, достоинства, новой работы и осторожной любви, которая не требует спасать и доказывать свою ценность.

Содержание

Глава 1 4
Глава 2 21
Глава 3 39
Глава 4 59
Конец ознакомительного фрагмента. 60

Таисия Логовская
Муж подарил любовнице пекарню. А работать велел мне.

Глава 1

К семи вечера в цехе оставалось только глухое, остывающее тепло шамотного кирпича и въевшийся в кафельные швы дух подпеченного кориандра.

Смена была тяжелой. С пяти утра мы с Ниной перелопатили почти триста килограммов ржано-пшеничного замеса: комбинат прислал муку с повышенной влажностью, клейковина плыла, и мне пришлось дважды менять температурные паузы на расстойке, чтобы подовый хлеб не осел в лепешку. Ноги в стоптанных кожаных сабо гудели, поясницу ломило тупой, привычной тяжестью, а пальцы до сих пор хранили сухое, стянутое ощущение мучной пыли, которую не смывало даже хозяйственное мыло.

Я домывала нержавеющую столешницу большого разделочного стола, когда хлопнула входная дверь из торгового зала.

Тяжелые, торопливые шаги. Паша.

Он вошел в цех не в рабочей парусиновой куртке, в которой обычно проверял вытяжку или помогал разгружать мешки, а в хорошем шерстяном пальто поверх свежей рубашки. Пальто было расстегнуто, в руке он держал плотную синюю папку из тисненого картона. Глаза блестели тем лихорадочным, приподнятым блеском, какой появлялся у него всегда, когда он проворачивал очередную сделку и считал себя умнее всего города.

— Марина, ты еще здесь? — он бросил папку прямо на влажный, только что вытертый металл стола. — Отлично. Вытри руки, сядь. Разговор есть. Серьезный.

Я бросила мокрую ветошь в оцинкованное ведро, вытерла ладони о край фартука.

— Паша, у меня ноги гудят, — ответила я устало, не двигаясь с места. — Если по поставке дрожжей — я приняла накладные, там всё сходится. Если по школьному заказу — опара на завтра заведена, в шесть утра начнем обминку. Говори так.

— Да подожди ты со своими дрожжами, — он раздраженно дернул плечом, пододвинул к себе высокий металлический табурет и сел, расправив полы пальто. — Вечно ты в эту муку уткнешься и дальше своего корыта ничего не видишь. Я дело закрыл. Большое дело. Месяц с юристами сидели, схему крутили.

Он постучал пальцем по синей папке:

— Всё. Нотариус подтвердил регистрацию изменений. Документы на руках.

В цехе монотонно капала вода из плохо притертого крана над мойкой. Кап. Кап. Кап.

Я посмотрела на синюю папку. На ней серебряным тиснением было выдавлено: «Нотариальная контора».

— Какие изменения, Паша? — спросила я тихо.

— Структурные, — он откинулся назад, довольный произведенным эффектом, и самодовольно усмехнулся. — Мы выросли, Марина. Выручка прет, обороты растут. Если оставаться на прежнем юрлице в тех же объемах, нас со следующего квартала переведут на общую систему налогообложения. Ты представляешь, что такое НДС для нашей лавки? Это двадцать процентов сразу государству отдай, бухгалтера нанимай на полный оклад, проверки, камералки... Мы бы зубы на полку положили через полгода.

Он говорил бойко, складно, заученными фразами, как на семинаре для начинающих коммерсантов.

— И что ты сделал?

— Оптимизировал, — бросил он легко, словно речь шла о покупке новой лопаты для печи. — Передал долю. Сто процентов уставного капитала ООО «Наш хлеб» теперь оформлены на Светлану. У нее, как мне объяснили, налоговые преимущества и чистая кредитная история. Бухгалтер уверяет, что сможем расходы сократить. Сэкономим за год миллиона полтора, не меньше.

Слова упали в тишину цеха, как двадцатипятикилограммовый мешок с солью. Глухо. Тяжело.

Я не шелохнулась. Только пальцы под белым полотном фартука медленно сжались в кулаки, вонзаясь ногтями в ладони.

— На Светлану? — переспросила я. Голос прозвучал хрипло, чужой, севший голос. — На нашу администраторшу Свету? Которая восемь месяцев назад пришла чеки на кассе пробивать?

— Ну а на кого еще? — Паша поморщился, достал из кармана пачку сигарет, повертел в пальцах, но зажигать не стал. — На тебя нельзя, ты в штате старшим мастером числишься, налоговая сразу аффилированность пришьет, если на жену переписать. На мать тем более — пенсионерка за семьдесят, сразу проверку вызовет. А Света — человек надежный. Молодая, хваткая, в бумагах соображает. Мы с ней всё обговорили, все риски просчитали.

— Ты подарил ей пекарню, — сказала я. Это был не вопрос.

— Никто ничего не дарил! — огрызнулся он, повысив тон. — Я тебе русским языком объясняю: это чистая формальность! Бумага для налоговой инспекции! Я как был директором, так и остаюсь. Управление на мне, стратегические вопросы на мне.

Я смотрела на него в упор.

Двенадцать лет.

Двенадцать лет назад мы вошли в этот сырой, заброшенный подвал на углу Заречной. Здесь пахло дохлыми крысами, с потолка капало, штукатурка висела лохмотьями. Мы с Пашей вдвоем, своими руками, сдирали скребками эту гниль, выносили битый кирпич, белили стены. Спустя семь лет, когда первой печи перестало хватать, я отдала Паше триста шестьдесят тысяч рублей из сбережений, которые лежали на моём счёте ещё до брака. На вторую подовую печь. Он написал расписку и обещал вернуть деньги.

Фирма была оформлена на него — он открыл ООО за два года до того, как мы расписались, когда торговал сигаретами в ларьке. Я никогда не лезла в учредительные документы. Зачем? Мы же семья. Мы строили общее гнездо. Я выходила в ночные смены с температурой тридцать восемь, когда заболевала формовщица. Я отмачивала сбитые в кровь пальцы в содовых ванночках, придумывала рецепты бородинского с тмином, на который люди по утрам занимали очередь на улице. А он улыбался проверяющим, жал руки нужным людям и говорил на семейных праздниках: «У нас с Маришей семейное дело, мы всё пополам делим».

И вот теперь синяя папка лежала на мокром столе.

— Открой, — сказала я.

— Чего?

— Папку открой. Покажи договор.

Павел скривился, но папку раскрыл.

Белый гербовый лист нотариального бланка. Четкие типо-

графские строки: «Договор дарения доли в уставном капитале общества с ограниченной ответственностью».

Дарения. Не залог. Не доверительное управление. Безвозмездная передача ста процентов доли гражданке Рябовой Светлане Игоревне. С круглой гербовой печатью и размашистой синей подписью моего мужа.

В горле встал сухой, колючий комок. Воздуха вдруг стало не хватать, виски сдавило холодной железной лентой.

— Дарение, Паша? — я подняла на него глаза. — Ты подарил ей всё, что я строила двенадцать лет?

— Марина, не начинай! — он резко захлопнул папку, уперся кулаками в стол и подался вперед. В его взгляде больше не было деловой фальши. Там проступило глухое, злое раздражение человека, которого прижали к стенке, но который заранее решил, что виноватым себя не признает. — Я сделал так, как лучше для бизнеса! Ты в экономике ничего не смыслишь, твое дело — тесто месить и за выпечкой следить! А я несу ответственность за выживание предприятия!

— С каких пор администратор торгового зала стала тебе ближе законной жены? — спросила я, и собственный голос показался мне удивительно спокойным, словно я говорила о постороннем человеке.

Павел замер. Челюсть его дернулась, он шумно втянул воздух сквозь зубы.

Секунду он колебался — видимо, прикидывал, стоит ли продолжать врать. Потом махнул рукой, криво, цинично

усмехнулся и посмотрел мне прямо в глаза:

— Ну хорошо. Раз уж ты сама спросила. Мы со Светой вместе. Полгода уже.

В цехе наступила такая тишина, что стало слышно, как на улице за закрытыми ставнями прошуршали шины проезжающей маршрутки.

Полгода.

Шесть месяцев.

В моей памяти мгновенно, с безжалостной отчетливостью щелкнули десятки мелких, разрозненных деталей, которым я не придавала значения:

Павел, задерживающийся по вечерам «на сверку кассы».

Новый дорогой шелковый платок на шее Светланы, который она невзначай поправляла перед зеркалом в торговом зале.

Тонкий пудровый аромат в салоне нашей машины, про который Паша отмахнулся: «Да это Света бумаги передавала, надушила, девчонка молодая, дура»...

Его внезапная забота: «Маришка, ты устала, иди домой пораньше, мы со Светой сами отчет закроем»...

Они закрывали отчет. Вдвоем. В его кабинете за гипсокартонной перегородкой, пока я на полусогнутых ногах шла на трамвай, радуясь, какой у меня заботливый муж.

Физическая боль ударила под ребра — резко, коротко, как удар колотушкой для льда. Желудок свело судорогой, во рту стало горько, словно я раскусила гнилое зерно. Но слез не

было. Глаза оставались сухими и горячими.

Я оперлась ладонью о край стола. Холодная нержавейка обожгла пальцы, возвращая меня на землю.

— Полгода, значит, — повторила я.

— Полгода, — повторил он твердо, упиваясь тем, что карта наконец сброшена и больше не нужно прятаться. — И давай сразу договоримся: без бабских истерик, без битья посуды и без заламывания рук. Мы взрослые люди. Нам под пятьдесят. Ну случилось и случилось. Жизнь сложная штука. Я перед тобой каяться на коленях не собираюсь. Квартира остается за нами, я никуда тебя не выгоняю. Свете нужна пекарня, ей нужен статус. Мне нужно развивать дело.

Он встал с табурета, подошел ко мне на полшага, засунул руки в карманы пальто и произнес тем самым будничным, хозяйским тоном, каким отдавал распоряжения экспедиторам:

— Для тебя ничего не меняется, Марина. Абсолютно ничего. Ты как вела смену, так и ведешь. Зарплату я тебе даже прибавлю — тысяч на пять подниму с нового месяца. Света в цех лезть не будет, ее дело — касса, витрина и отчетность. Твое дело — качество выпечки.

Он бросил взгляд на круглые настенные часы над расстоечным шкафом:

— Завтра к шести приходи, как обычно. У нас большой заказ для школы на караваи, плюс утренний подовый хлеб. Покупатели твои булочки ждут.

«Покупатели твои булочки ждут».

Эта фраза прозвучала так просто, так обыденно, словно он просил передать солонку за обедом.

И в эту секунду всё встало на свои места.

Пелена, которая застилала мне глаза двенадцать лет, лопнула.

Он не просто предал меня как женщину. Он не просто переписал чужой труд на молодую любовницу.

Он искренне, всем своим существом считал, что я прилагаюсь к этой пекарне в качестве бесплатного производственного инвентаря. Как тестомес. Как расстоечный шкаф. Как вторая подовая печь, купленная на мои деньги.

Он подарил любовнице красивую машину, а меня оставил внутри этой машины в качестве мотора. И был свято уверен, что я утру сопли фартуком, поплачу в подушку, а завтра в шесть утра послушно натяну белый колпак и пойду выпекать караваи, чтобы у Светланы сходился баланс, а он мог возить ее по ресторанам на чистую прибыль.

Я медленно подняла голову и посмотрела ему прямо в лицо.

Внимательно. Словно видела его впервые.

Серые, чуть навыкате глаза с желтоватыми белками. Мясистый, рыхлый нос с расширенными порами. Узкие губы, привыкшие командовать чужим трудом.

Как я могла двенадцать лет считать этого человека своей защитой? Как я могла верить, что за этой наглой барской

спесью скрывается забота обо мне?

— Нет, Паша, — сказала я.

Слово вышло коротким. Сухим. Без нажима.

Павел нахмурился, не поняв:

— Что «нет»?

— Завтра в шесть я к Светлане на смену не приду.

Он замер. На его лице мелькнуло искреннее, неподдельное недоумение — так смотрит барин на лошадь, которая вдруг отказалась везти телегу посреди ровной дороги.

— Марина, ты дура, что ли? — голос его сразу потерял вальяжное спокойствие, стал резким, шершавым. — Я тебе русским языком сказал: школьный заказ горит! Триста плетёнок к девяти утра! Нина одна смену не вытянет, она закваску остудит и форму потеряет! Ты хочешь, чтобы мы на штрафы влетели?

— «Мы» больше не существует, Павел, — ответила я тем же ровным, глухим голосом. — Есть ООО «Наш хлеб». Собственник — Светлана Рябова. Генеральный директор — Павел Ковалёв. Вот вы вдвоем сегодня ночью и вставайте к столу. Берите муку, меряйте температуру воды, заводите опару и выпекайте свои триста плетёнок. А я в подарок любовнице моего мужа не вхожу.

Лицо Павла налилось тяжелой, багровой краской. Жилы на его шее вздулись толстыми жгутами.

— Да ты берега попутала! — рявкнул он, шагнув ко мне вплотную и занося кулак над столом. — Ты наемный работ-

ник! У тебя трудовой договор подписан! Ты зарплату получаешь из этой кассы! Ты обязана выйти на смену, иначе я тебя по статье за саботаж вышвырну! С волчьим билетом пойдешь, на хлебозавод полы мыть!

Я даже не моргнула.

— Вышвыривай, — спокойно сказала я. — Прямо сейчас пиши приказ. Только сначала объясни директору школы, почему караваи вышли плоскими, как подошва, и почему твой новый собственник не умеет отличить закваску от дрожжевого концентрата.

Он задохнулся собственной яростью. Кулак его дрогнул, но о стол он так и не ударил.

Павел был трусом. Он умел давить только на тех, кто прогибался. Перед человеком, который перестал бояться его крика, он мгновенно терял опору.

— Ты... ты пожалеешь, Марина, — прошипел он, отступая на шаг назад и сгребая со стола синюю папку. — Гордая стала? Ну-ну. Посмотрим, как ты запоешь, когда жрать нечего будет. Ни копейки из моих денег больше не получишь! Ни копейки!

— Твоих денег здесь нет, Паша, — ответила я. — Здесь двенадцать лет моего пота. Но подарить тебе еще хоть одну бесплатную ночь я больше не позволю.

— Всё! Хватит! — сорвался он, пятясь к двери в торговый зал. — Дома поговорим! Перебесишься к утру! В шесть я тебя жду в цехе. Если не выйдешь — пеняй на себя!

— Домой ты сегодня не придешь, — сказала я ему в спину.

Павел остановился в дверном проеме, резко обернулся:

— Что-о?

— Ключи от квартиры положи на стол, — я указала пальцем на нержавейку. — Ты спишь со Светланой полгода. Ты подарил ей бизнес. Вот к ней и поезжай. В моей постели тебе места больше нет.

Павел смотрел на меня несколько секунд бешеными, вытаращенными глазами.

Потом зло, коротко сплюнул на кафельный пол, сунул руку в карман брюк, выдернул связку ключей и со звоном швырнул ее на стол. Металл проскрежетал по стали, ударился о бортик и замер.

— Да подавись ты своей конурой! — выплюнул он. — Думаешь, мне ночевать негде? Да меня Света на руках носит, в отличие от тебя, вечно недовольной клуши! Сиди одна со своей гордостью! Сдохнешь в нищете!

Он развернулся, выскочил в торговый зал, и через секунду входная дверь пекарни грохнула так, что зазвенели стеклянные витрины.

Наступила тишина.

Плотная. Звенящая. Абсолютная.

Я стояла посреди пустого цеха.

На столе лежала связка ключей мужа. В ведре мокла тряп-

ка. Печь «Миве» тихо, еле слышно потрескивала, остывая после дневного жара.

В груди было пусто и холодно, как в выстуженном амбаре.

Двенадцать лет совместной жизни рассыпались ровно за пятнадцать минут. Без громких скандалов с соседями, без вызова милиции, без битой посуды. Буднично. Под звук капающего крана и запах подпеченного кориандра.

Я подошла к раковине, до упора закрутила вентиль. Капли перестали падать.

Сняла фартук. Сложила его вчетверо, провела ладонью по грубой белой ткани.

Завтра был рабочий день.

По закону я всё еще числилась старшим мастером ООО «Наш хлеб». У меня была трудовая книжка, лежавшая в сейфе кабинета, был официальный оклад и должностная инструкция.

Если я завтра просто не выйду — Павел оформит прогул. Он сделает всё, чтобы втоптать меня в грязь, повесить на меня срыв школьного заказа и уволить по статье. Дать ему такой козырь я не имела права.

Уходить надо было не воровкой и не истеричкой. Уходить надо было мастером. Чисто. По закону. Сдав каждую накладную и каждый грамм муки.

Я надела пальто, повязала шерстяной шарф, взяла со стола связку ключей Павла и погасила верхний свет в цехе.

Вышла через служебный вход, заперла тяжелую металли-

ческую дверь на три оборота замка.

На улице стоял сырой ноябрьский вечер. Моросило. Холодный ветер с реки срывал с черных тополей последние мокрые листья, швыряя их под колеса машин.

Я стояла на крыльце и смотрела на светящуюся неоновую вывеску над витриной: «Наш хлеб».

Красные буквы горели ярко, весело, обещая тепло и домашний уют.

Это больше не был наш хлеб.

Это было чужое место. Чужие печи. Чужая вывеска.

Я подняла воротник пальто, сунула руки в карманы и пошла по мокрому тротуару к остановке трамвая.

Дома стояла глухая, мертвая тишина.

Двухкомнатная квартира в старом панельном доме на третьем этаже встретила меня темнотой и запахом остывшего утреннего кофе.

Я не стала включать телевизор. Не стала зажигать люстру в гостиной. Прошла на кухню, зажгла маленькую настольную лампу под зеленым абажуром.

На вешалке в прихожей сиротливо висело пустое место — Пашиной второй куртки не было, он забрал ее еще на прошлой неделе, сказав, что оставит в машине «на всякий случай». Теперь я знала, чей это был случай.

Я поставила на конфорку чайник, достала из шкафа белую чашку.

Пока закипала вода, прошла в спальню.

Открыла платяной шкаф.

Его костюмы висели ровным рядом: серый в полоску, темно-синий выходной, вельветовый пиджак, который мы покупали три года назад в областном центре. На полке лежали его аккуратно сложенные свитера, рубашки, коробка с галстуками.

Я не стала срывать их с плечиков, не стала резать ножницами и выбрасывать в окно, как показывают в дешевых мелодрамах.

Я достала из кладовки два больших полотняных чехла для одежды и старую спортивную сумку.

Методично, спокойно, вещь за вещью, сняла все его костюмы. Сложила рубашки. Упаковала обувь в коробки. Собрала с трюмо его туалетную воду, бритвенный станок, запасные лезвия.

Каждое движение было выверенным и сухим. Никаких слез. Когда ты двенадцать часов на ногах отстоял у раскаленного пода, у тебя нет сил на театральные истерики. Тело работает само, отсекая лишнее, как пекарский нож отсекает обрезки теста.

Через час все вещи Павла стояли в прихожей у двери: два чехла и одна большая сумка. Захочет забрать — приедет днем, пока меня нет, и заберет. В спальне освободилась половина шкафа и тумбочка у окна.

Воздух в комнате словно стал чище.

Я вернулась на кухню, налила кипяток в кружку, бросила щепотку чабреца.

Достала из бельевого ящика гладильную доску, включила утюг.

Из сумки вынула свой запасной рабочий комплект: чистый белый фартук из плотного льна, белую рубашку с коротким рукавом и ситцевую косынку.

Разложила ткань на доске. Горячий утюг с шипением коснулся льна, выпуская струю сухого пара.

Я методично разглаживала каждую складку, каждый шов, каждую завязку.

Завтра в шесть утра я войду в тот цех.

Но я войду туда не женой основателя. Не бесплатной хозяйкой, обязанной улыбаться покупателям и спасать мужа от налогов.

Я приду как старший мастер-пекарь Марина Ковалёва, выполняющая свои обязанности по трудовому договору за оклад.

Я проверю температуру воды. Я вымешу тесто для школьных караваев так, как умею только я. Я отстою свою смену от первой до последней минуты, потому что хлеб не виноват в подлости мужчин, а дети не должны завтракать кислым браком.

А потом я положу на стол заявление об увольнении по собственному желанию.

Павел думал, что пекарня — это четыре стены, договор

аренды и свидетельство с круглой печатью, которые можно переписать на любовницу у нотариуса.

Он ошибся.

Пекарня — это руки, которые чувствуют живое тепло закваски.

А мои руки он подарить Светлане не мог.

Я аккуратно сложила выглаженный фартук, повесила его на спинку стула, выключила утюг и села к окну пить свой горячий чай с чабрецом.

До звонка будильника оставалось пять часов.

Глава 2

Ноябрьский рассвет в пять утра не принес облегчения. Он лишь медленно вытравил из спальни черную ночную тьму, заменив ее мутной, серой взвесью.

Я почти не спала. Лежала поверх покрывала, не раздеваясь, в старых шерстяных носках и фланелевой рубашке, глядя, как по потолку изредка проплывают бледные полосы от фар редких дежурных автобусов. В прихожей у самой входной двери стояли два полотняных чехла с костюмами Павла и его набитая спортивная сумка. Ключи, которые он со звоном швырнул на стол в цехе, лежали на обувной тумбочке — чужие, холодные, ненужные. Ночью он не вернулся. Я знала, что он не вернется: уязвленное самолюбие мужчины, привыкшего считать себя благодетелем и господином положения, гнало его туда, где ему заглядывали в рот и называли гением коммерции.

В половине шестого я поднялась. Тело отозвалось на движение тупой, ноющей ломотой в плечах и пояснице — сказывалась вчерашняя двенадцатичасовая смена. Во рту стоял сухой привкус вчерашнего чабреца.

Я подошла к раковине, открыла кран и долго, пригоршнями, плескала в лицо ледяную воду, пока кожу не обожгло колючим холодом. В зеркале над умывальником на меня смотрела женщина сорока шести лет: серые тени под глазами,

плотно сжатые, сухие губы, темные волосы, схваченные на затылке тугой резинкой. Ни следа слез. Плакать было некогда.

В шесть утра открывался цех.

Я могла остаться дома. Вчера сгоряча так и сказала Паше: к Светлане на смену не приду. Но одно дело — отказ быть бесплатной хозяйкой для его любовницы, и совсем другое — действующий трудовой договор. Запереть замок изнутри, выдернуть телефонный шнур из розетки, лечь обратно в постель и позволить пекарне гореть синим пламенем вместе со школьным контрактом, тремя сотнями сувенирных караваев и Пашиными амбициями я не собиралась. Любая женщина на моем месте имела на это полное право.

Но я знала цену такому порыву. Стоило мне сегодня не перешагнуть порог — и Павел получил бы всё, о чем мечтал: повод назвать меня истеричкой, сорвавшей работу предприятия, оформить прогул по статье и выставить за дверь без копейки расчетных денег. А главное — на разделочном столе в цехе с вечера стояла опара на триста детских булочек. Тесто не знает предательства, оно живет по законам температуры и времени. Если опара перестоит, она сгниет, превратившись в вонючую кислую жижу, а Нина, пришедшая к шести, просто сядет на мешок с мукой и будет выть от ужаса и беспомощности.

Я натянула пальто, повязала шарф, взяла чистую рабочую форму, выглаженную вчера вечером, и шагнула за порог.

На улице моросил мелкий, колючий дождь со снегом. Асфальт блестел черным зеркалом, отражая мутные огни витрин. Ветер с реки пробирал до костей, забираясь под воротник, но этот холод был даже кстати — он окончательно выбивал из головы дурман бессонной ночи, оставляя лишь сухую, расчетливую ясность.

К пекарне на Заречной я подошла без десяти шесть.

Красные неоновые буквы «Наш хлеб» еще не горели — автоматическое реле включало их только в семь, перед самым открытием торгового зала. Серебристой «Тойоты» Павла на служебной парковке не было. Значит, отсыпается у Светланы. Решил, что раз бросил мне вчера в лицо приказ «выходи к шести», то баба поплачет, испугается и всё сделает сама.

Я отперла служебную дверь своим ключом. В коридоре стоял густой, плотный сумрак, пахло остывающим кирпичом, влажной мучной пылью и сладковатым спиртовым духом выбродившей опары.

Щелкнул тумблер дежурного света. В цехе вспыхнули две люминесцентные лампы, наполнив пространство холодным мертвенным сиянием.

Я прошла к расстоечному шкафу, заглянула под крышку большой передвижной дежи. Опара поднялась втрое, пористый купол чуть подрагивал от тепла, пахло спелыми яблоками и хмелем. Еще двадцать минут — и тесто начало бы

опадать, теряя подъемную силу. Я успела вовремя.

Переоделась в гардеробной: чистая белая рубашка с коротким рукавом, плотный льняной фартук, ситцевая косынка, закрывающая лоб. На ноги — стоптанные сабо на толстой подошве. Тщательно, до скрипа вымыла руки с хозяйственным мылом, смывая уличную сырость.

В шесть ноль пять в коридоре зашуршали шаги, и в цех вбежала Нина.

Она была запыхавшейся, в расстегнутом пуховике, с мокрой от снега прядью волос, прилипшей к виску. Увидев меня у дежи с мерным ковшом в руках, она шумно, с облегчением выдохнула, прижав ладонь к груди:

— Господи, Марина Васильевна... А я бегу, сердце колотится, думаю — вдруг опоздала, вдруг вы одна тут мечетесь!

Она скинула пуховик прямо на лавку, торопливо сунула ноги в сменные тапки и подошла ближе. Глаза у Нины были беспокойными, цепкими. Семь лет бок о бок не скроешь за фартуком: она мгновенно заметила и мою застывшую, прямую спину, и бледность, и то, как неестественно ровно я держала мерную ложку с солью.

— Марина Васильевна... вы не заболели? Лица на вас нет. И Павла Александровича машины во дворе нет... Он в город уехал по сырью?

— Работай, Нина, — ответила я сухо, не поднимая глаз от весов. — В девять утра машина со школы придет. Триста маковых плетёнок и шестьдесят подовых батонов. Воду в

бойлере проверь, температура должна быть двадцать шесть градусов.

Нина осеклась, почувствовав стену, которую я выстроила между нами. Шмыгнула носом, натянула фартук и пошла к мойке.

Следующие два часа цех жил в привычном, механическом гуле.

Мы работали молча, в четыре руки. Я вымешивала сдобу, добавляя в дежу растопленное масло и сахарный сироп, Нина стояла на просеивании муки высшего сорта. Тестомес гудел монотонно и низко, лопасть с глухими шлепками наворачивала упругую белую массу на стальную ось. Когда тесто связалось, я опрокинула его на гранитную доску.

Пальцы двигались сами. Мышцы плеч принимали нагрузку привычно, отсекая лишние мысли. Стальной скребок мелькал над столом: отрез — весы — откат. Заготовка восемьдесят граммов. Разделить на три жгута, сплести косичку, подогнуть края внутрь, уложить на противень, застеленный тефлоновым ковриком. Ряд за рядом. Десять противней ушли в расстоечный шкаф.

К восьми утра первая партия подового хлеба уже остывала на деревянных рейках стеллажей. Помещение наполнилось тем самым неповторимым, терпким духом подпекающейся ржаной корочки, ради которого на улице перед запертыми дверями лавки уже начинали топтаться первые утренние прохожие.

В семь утра зазвенел колокольчик на служебном входе.

Шаги были не Пашиными.

Легкий, частый перестук узких каблучков по кафелю коридора. Звук дорогой кожаной подошвы.

Дверь в цех распахнулась, и на пороге появилась Светлана.

Она не была похожа на администратора, которая еще на прошлой неделе послушно бегала с кассовой лентой и по моей просьбе протирала пыль со стеклянных витрин.

На ней было короткое приталенное пальто из мягкой бежевой шерсти с норковой оторочкой по вороту, узкие черные брюки со стрелками и сапоги на тонкой шпильке. Волосы были свежеуложены волнами, на лице — аккуратный, неброский, но безупречный макияж. В правой руке она небрежно держала тонкую кожаную папку на молнии и брелок от ключей с массивным серебряным кольцом.

От нее пахло дорогим утренним кофе, морозным воздухом и тем самым тяжелым, пудровым парфюмом, который вчера окончательно выдал их связь.

В производственном цехе, среди пышущих жаром духовок, мешков с мукой и чанов с мыльной водой, этот вид выглядел вызывающе, почти дико. Она явилась сюда не работать. Она явилась принимать владения.

Нина у расстоечного шкафа замерла с противнем в руках, испуганно моргая:

— Света?.. Ой, Светлана Игоревна... Доброе утро. А вы чего так рано? Зал же Люда открывает через сорок минут...

Светлана даже не повернула головы в сторону Нины. Ее взгляд — цепкий, холодный, маслянистый от скрытого торжества — скользил по полкам, по моим рукам, испачканным сухой ржаной мукой, по моему простому ситцевому фартуку. В уголках ее тонких накрашенных губ играла едва заметная, сытая полуулыбка хозяйки, вошедшей на кухню проверить прислугу.

Она перешагнула порог, поморщилась от жара печи, цокая каблуками, подошла к середине разделочного стола и положила свою кожаную папку прямо на чистый гранит.

— Девочки, минуточку внимания, — произнесла она звонким, поставленным голосом, в котором звенела неприкрытая начальственная медь. — С сегодняшнего дня в структуре управления предприятием произошли официальные изменения. Передача ста процентов доли уставного капитала ООО «Наш хлеб» зарегистрирована. С этого момента единственным учредителем и собственником бизнеса являюсь я.

Нина выронила брезентовую рукавицу. Ткань глухо шлепнулась о кафельный пол.

Она перевела растерянный, непонимающий взгляд со Светланы на меня, потом снова на Светлану:

— Как... собственником? А Павел Александрович?..

— Павел Александрович остается на должности наемно-

го генерального директора, — отрезала Светлана, небрежно махнув тонкой кистью с безупречным французским маникюром. — Его сфера — стратегические поставки и договоры с администрацией. Но все текущие финансовые, кадровые и операционные вопросы теперь решаются исключительно через меня. По всем закупкам, списаниям, графикам смен и премиальным фондам — отчитываться лично мне. Вопросы есть?

Нина сжалась, втянула голову в плечи, часто-часто заморгала и посмотрела на меня снизу вверх, словно умоляя сказать, что это дурной сон или глупая шутка.

Она знала Светлану всего восемь месяцев. Знала как нагловатую, смазливую девицу у кассы, которая вечно путала отчеты по эквайрингу и строила глазки директору. И сейчас эта девица объявляла себя полновластной хозяйкой всего, что Нина и я поливали потом годами.

Я не шелохнулась.

Внутри всё стянуло ледяным жгутом. К вискам прилил тяжелый, глухой пульс.

Она сделала это публично. Павел вчера струсил, сбежал, бросив связку ключей, а эту отправил утром — закрепить победу, сломать меня перед коллегами, заставить склонить голову при свидетелях. Они рассчитывали, что перед Ниной я не посмею спорить, испугаюсь скандала, сглочу унижение и начну оправдываться.

Я медленно опустила кондитерский шпатель на край дос-

ки. Протерла руки сухим полотенцем.

Посмотрела на кожаную папку, лежавшую на моем разделочном столе.

— Уберите папку со стола, Светлана Игоревна, — сказала я.

Голос прозвучал тихо, сухо, без малейшей дрожи. Но в тишине цеха он разрезал воздух, как натянутая стальная струна.

Светлана приподняла выщипанную бровь:

— Что, простите?

— Уберите уличные вещи с технологической поверхности, — повторила я, глядя ей прямо в переносицу. — В производственном цехе действуют санитарные правила. Нахождение в цехе в верхней одежде без сменной обуви и головного убора категорически запрещено. Вы разносите уличную грязь и микробы над открытой опарой. Выйдите из производственного помещения в торговый зал.

Улыбка соскользнула с лица Светланы.

Она явно ждала слез, ждала упреков, ждала бабьей перепалки про Павла и про то, как она влезла в чужую семью. Она приготовила ядовитые стрелы для брошенной жены. А наткнулась на старшего мастера, говорящего языком санитарного регламента.

Ее щеки тронул нервный, некрасивый румянец. Она сжала пальцы на кожаной папке, прижала ее к груди, шагнула ко мне ближе, стуча каблуками:

— Марина Васильевна, вы, кажется, не поняли, кто перед вами стоит. Я повторяю для особо понятливых: я здесь хозяйка. Я собственник этого бизнеса. И указывать мне, куда я имею право входить в своем собственном помещении, вы не будете.

— Вы собственник юридического лица, Светлана Игоревна, — ответила я, не повышая голоса ни на полтона. — Но законы санитарного контроля для пищевых предприятий право собственности не отменяет. Если сейчас сюда зайдет инспектор Роспотребнадзора, нарушение зафиксируют, и объяснять, почему в производственном помещении ходят в уличной обуви и пальто, придется вам. Вы этого хотите в первый же день своего владения?

Светлана задохнулась воздухом. Глаза ее сузились в две колючие, злые щели. Она поняла, что замахнулась на удар, но попала в глухую бетонную стену инструкций.

Нина в углу вжала голову в плечи так, словно над ней свистели пули.

— Хорошо, — процедила Светлана сквозь зубы, отступая на шаг к дверному проему, но не уходя. — Раз уж вы решили включить бюрократию, поговорим на вашем языке. Значит так, старший мастер Ковалёва. С сегодняшнего дня вводится новый регламент отчетности. Все производственные журналы вы передаете мне на проверку ежедневно к семнадцати ноль-ноль. Списание брака — только по моему личному письменному разрешению. Никаких «на сухари» и «на пита-

ние смены» без моей подписи.

Она расстегнула молнию на папке, достала отпечатанный на принтере лист:

— И главное. Теперь о любых технологических процессах, о смене поставщиков муки и дрожжей, о любых проблемах с оборудованием вы докладываете исключительно мне. Не Павлу Александровичу. Мне лично. Он генеральный директор, его время стоит дорого, чтобы отвлекать его на ваши кастрюли. Вся внутренняя кухня замыкается на меня.

Она протянула мне лист:

— Ознакомьтесь под роспись. Распоряжение номер один.

Я не протянула руки.

Я смотрела на этот белый лист, на ее наманикюренный ноготь, упирающийся в строчку приказа, и видела всё насквозь.

Это была не оптимизация. Это была дрессировка.

Ей мало было забрать чужого мужа и оформить на себя чужую фирму. Ей нужно было сломать меня лично. Заставить приходить к ней на полусогнутых, униженно просить подписать акт на списание пяти подгоревших булочек, вымаливать разрешение на покупку мешка ржаной муки и докладывать о каждом своем шаге любовнице мужа, признавая ее своей госпожой.

Они с Павлом вчера вечером, наверное, долго смаковали этот план: как Марина будет ходить по струнке, как будет заглядывать Светланочке в глазки, боясь потерять место.

В горле встал едкий, горький ком. Сердце толкнулось в

ребра коротким, яростным ударом. Пальцы под фартуком задрожали от мгновенного порыва — схватить этот лист, разорвать на мелкие клочья и швырнуть ей прямо в холеное лицо. Выкрикнуть всё: и про полгода в постели за моей спиной, и про триста шестьдесят тысяч моих личных сбережений, на которые куплена вон та подовая печь, у которой она сейчас красуется!

Я сделала медленный, тяжелый вдох.

Пауза. Один удар сердца. Второй.

Нет.

Никаких сцен. Никаких криков перед Ниной. Никаких бабьих базаров.

Если я сейчас опущусь до скандала, я превращусь в жалкую брошенную бабу, которая цепляется за ускользающую жизнь. Я стану для них удобной жертвой, чьи слезы можно списать на ревность и климакс.

Я мастер. Я человек, на чьем мастерстве этот дом держался двенадцать лет. И разговаривать я буду только с позиции своего труда.

— Положите лист на стол учета у двери, — произнесла я ледяным, безупречно сухим тоном. — Я ознакомлюсь с ним в установленном трудовым законодательством порядке. Если распоряжение не противоречит моему действующему трудовому договору и должностной инструкции старшего мастера, я приму его к сведению.

Светлана прищурилась, чувствуя подвох:

— Что значит «если не противоречит»? Я учредитель! Я устанавливаю правила!

— Вы учредитель общества с ограниченной ответственностью, — ответила я, глядя ей прямо в глаза. — Но мой трудовой договор заключён с организацией, и новые поручения должны оставаться в рамках моей должности. Если вы хотите менять её содержание и условия, это нужно оформлять по закону. Подпись под незнакомым распоряжением я вслепую не поставлю.

Светлана замерла.

Она ждала от меня чего угодно — крика «дрянь», слез, попытки вцепиться в волосы, жалоб на несправедливость. Но она не ожидала, что пекарь в белом фартуке и стоптанных сабо будет отвечать ей статьями кодекса, спокойно и раздельно, глядя на нее как на пустое место.

Она нервно дернула уголком рта, бросила лист на конторку у входа:

— Вы слишком много о себе думаете, Марина Васильевна. Незаменимых у нас нет. Если вы считаете, что прежние заслуги дают вам право хамить руководству — вы глубоко ошибаетесь.

— Я не хамлю, — сказала я ровно. — Я работаю. До открытия лавки двадцать минут. Первая партия подового хлеба готова к выкладке. Вторая партия школьных плетёнок стоит на расстойке. Если у вас нет производственных вопросов по текущей смене, покиньте цех. Вы мешаете работе.

Светлана стояла неподвижно, тяжело дыша через нос. Ее тонкие пальцы сжались на ремешке кожаной папки так, что побелели костяшки.

Она поняла: первого раунда не получилось. Поставить меня на колени с наскока, припугнуть новым статусом и заставить заглядывать в рот не вышло. Марина не сломалась. Марина осталась старшим мастером, который держит производство в кулаке и не собирается кланяться новой фаворитке.

Она резко развернулась на каблуках, сделала два шага к двери, но у самого порога остановилась.

Обернулась через плечо. В ее глазах блеснула неприкрытая, злая женская мстительность:

— Кстати, о смене, Марина Васильевна. Сегодня после закрытия, в семь вечера, зайдите ко мне в кабинет. Нам нужно поговорить с глазу на глаз. Без лишних ушей. Обсудим вашу дальнейшую работу в компании. И ваше... соответствие занимаемой должности.

— Все рабочие вопросы обсуждаются в пределах рабочего времени смены, — ответила я ей в спину. — Моя смена заканчивается в семнадцать ноль-ноль.

Светлана скрипнула зубами, ничего не ответила, толкнула дверь плечом и вылетела в торговый зал, громко хлопнув створкой.

Каблуки простучали по коридору и стихли.

В цехе воцарилась тяжелая, липкая тишина.

Только монотонно гудел компрессор расстоечного шкафа да потрескивал остывающий шамотный кирпич в третьей печи.

Нина медленно подняла с пола брезентовую рукавицу, судорожно прижала ее к животу. Глаза у нее были круглыми от ужаса, подбородок мелко дрожал:

— Марина Васильевна... Мамочки мои... Что же это делается-то? Светка... Светка — хозяйка? Да как же это? А Павел Александрович? Он что, с ума сошел? Она же... она же нас со свету сживет! Вы видели, как она смотрела? Как барыня на крепостных! Она же в муке ни черта не понимает, она только чеки бить умеет! А если она вас уволит? Мы же тут пропадем без вас!

Нина шагнула ко мне, протянула дрожащую руку, попыталась схватить меня за локоть.

В ее глазах был искренний, слепой, животный страх маленького человека, у которого внезапно выбили из-под ног привычную опору. Семь лет она жила за моей спиной, как за каменной стеной. Она знала: что бы ни случилось — сгорит ли партия, задержится ли поставка, нагрянет ли санэпидемстанция — выйдет Марина Васильевна, встанет впереди, примет удар на себя, закроет дыру, договорится, выстоит.

А теперь стена дала трещину.

Я аккуратно отвела ее руку.

— Нина, успокойся, — сказала я тихо, но так твердо, что она мгновенно замолчала, судорожно сглотнув. — Слезами

тесту не поможешь. Бери лопату. Батоны подошли. Пора делать надрезы и сажать на под.

— Да какой хлеб, Марина Васильевна... — всхлипнула она, вытирая нос тыльной стороной руки. — У вас же беда! Вы же белая как полотно стоите! Что между вами произошло?

— Обычный рабочий день, Нина, — отрезала я. — Наш трудовой договор никто не отменял. До девяти утра караваи должны быть упакованы и сданы экспедитору школы. По местам.

Она посмотрела на меня с недоумением, шмыгнула носом, но спорить не посмела. Взяла деревянную лопату, натянула рукавицы и пошла к пышущей жаром печи.

Мы отработали остаток смены в глухом, свинцовом молчании.

Руки двигались сами. Лопата заходила в печь, форсунки шипели, выбрасывая белый пар, золотистые маковые плетёнки ложились на стеллажи ровными, плотными шеренгами. В девять ноль пять приехал желтый школьный фургон. Мы сдали экспедитору триста маковых плетёнок — горячих, глянцевых, пахнущих сливочным маслом и маком, без единого изъяна. Водитель расписался в накладной, довольно крякнул: «Красота, Васильевна, как всегда у тебя — хоть на выставку!»

Я молча кивнула ему, забрала свой экземпляр накладной и вернулась в цех.

В половине десятого в торговом зале начался обычный утренний шум. Люда бойко щелкала клавишами кассы, звенел колокольчик, покупатели брали теплый подовый хлеб, хвалили хрустящую корочку. Пекарня жила. Механизм, выстроенный моими руками за двенадцать лет, продолжал крутиться, словно ничего не произошло.

Но для меня этот механизм был мертв.

Я стояла у разделочного стола, смотрела на свои ладони, покрытые белесой сеткой мучной пыли, и с ледяной, абсолютной ясностью понимала: всё кончено.

Светлана звала меня вечером на разговор «без лишних ушей».

Она хотела продолжить торг. Хотела предложить мне остаться — за те самые обещанные Пашей пять тысяч прибавки, на правах безответной рабочей лошади, которая будет терпеть ее шпильки, выслушивать барские приказы и вытягивать чужой бизнес своим здоровьем. Она была уверена, что я приду. Что сорокашестилетняя баба без связей и без доли побоится остаться на улице перед самой зимой.

Она ошибалась.

Я не пойду к ней в кабинет ни в семь вечера, ни завтра утром. Я не стану выслушивать ее фальшивые условия и торговаться за подачки с барского стола.

Я ухожу.

Не в слезах. Не посреди смены, бросив горящий хлеб в печи. Не с ворованными рецептами в кармане.

Я уйду так, как уходят мастера: с чистым столом, с вымытыми противнями и с законным документом в руках.

Я подошла к шкафчику, достала чистый лист бумаги и шариковую ручку.

Села на край табурета.

Рука была спокойной и твердой.

Завтра начнется третий день. Завтра Павел получит мое официальное заявление об увольнении по собственному желанию.

И этот отсчет уже никто не сможет остановить.

Глава 3

Осень в то утро пахла мокрым тополем, ржавым железом и первыми заморозками, которые ещё не остеклили лужи, но уже прихватили траву вдоль тротуаров колкой белесой крупкой. Было пять утра. Город только начинал ворочаться во сне, редкие фары автобусов размазывали по мокрому асфальту мутные желтые полосы.

Я сидела на кухне в пальто, не зажигая верхнего света. На клеенчатом столе, прямо перед кружкой с остывшим чаем, лежал белый лист бумаги формата А4 и простая синяя шариковая ручка.

В квартире стояла неестественная, стеклянная тишина. Раньше по утрам эта тишина была наполнена смыслом: тихо поскрипывали половицы под моими ногами, в прихожей щелкал замок, когда я выходила первой, а через сорок минут на кухне должен был проснуться Паша. Он выпивал свой крепкий растворимый кофе, бросал взгляд на оставленную мной записку о том, сколько мешков муки привезет поставщик к десяти, и спускался к машине. Двенадцать лет подряд наши утра складывались из одних и тех же шестеренок.

Сегодня ключи мужа не лежали на обувной тумбочке. Его куртка не висела на вешалке. Его не было здесь со вчерашнего вечера, и в этом отсутствии воздух в коридоре казался неожиданно чистым и холодным, будто из комнаты наконец

вынесли старый пыльный ковер.

Я взяла ручку. Пальцы от ночного холода слегка задеревенели, подушечки пальцев, привыкшие проверять упругость клейковины и температуру закваски, на ощупь казались шершавыми. Я положила ладонь на чистый лист, прижала его к столу.

Никаких черновиков мне было не нужно. Я знала эти формулировки не из юридических справочников, а просто потому, что за двенадцать лет через мои руки прошли десятки таких заявлений от помощниц, уборщиц, практиканток из кулинарного училища. Они приходили, пугались ранних подъемов, жара печей и тяжести двадцатипятикилограммовых мешков, писали две строчки и уходили. Я всегда подписывала их молча, без уговоров. Труд у печи нельзя навязать человеку, если у него нет к этому терпения.

В правом верхнем углу я вывела: «Генеральному директору ООО "Наш хлеб" Ковалёву П. А.» Ниже, с отступом: «От пекаря-мастера Ковалёвой М. В.»

Потом сделала паузу. В горле на секунду встал сухой, колючий ком — не от слез, а от привычки, которая намертво въелась в сухожилия и суставы. Двенадцать лет. Тысячи замесов. Ночные смены в новогодние праздники, когда лопатки сводило судорогой, а лицо пылало от раскаленного пода так, что кожа шелушилась до крови. Мы строили это дело на обломках крошечной арендованной точки с одной китайской духовкой. Я помнила каждую плитку в цехе, которую

мы с Пашей мыли перед первой проверкой санэпидемстанции, помнила, как дрожали руки, когда мы вынимали первый пробный подовый батон и слушали его звонкий, хрустящий треск.

Тогда это было «наше». Теперь это было чужое. Муж переписал фирму на женщину, которая восемь месяцев назад пришла к нам заполнять кассовые журналы и улыбаться покупателям у витрины. Переписал буднично, росчерком пера у нотариуса, а мне предложил остаться бесплатным мотором в этой подаренной машине.

Рука не дрогнула. Посередине листа я написала: «Заявление». А ниже — ровным, почти чертежным почерком: «Прошу уволить меня по собственному желанию. Марина Ковалёва». Поставила сегодняшнее число: день третий от того вечера, когда моя прежняя жизнь рассыпалась на куски.

Четырнадцать дней. По закону отсчет начнется завтра, с четвертого дня. Значит, последняя смена — семнадцатого. Две недели, чтобы не бросить хлеб посреди расстойки, чтобы передать запасы муки по накладным, чтобы не дать повода назвать меня истеричкой, сорвавшей работу производства. Я умела работать честно и уходить собиралась так же — не хлопая дверью, а закрывая за собой счет.

Я аккуратно сложила лист пополам, прошлась ногтем по сгибу, затем достала из сумки второй экземпляр, переписала слово в слово и сложила оба листа вместе.

Прежде чем надеть шапку, я подошла к старому серван-

ту в спальне. В глубине нижней полки, под стопкой скатертей, лежала жестяная коробка из-под ленинградского печенья. Там хранились наши документы: паспорта, свидетельство о браке, страховые полисы. Я открыла крышку, пахнущую старой ванилью и сухой бумагой.

Нужная бумага лежала на самом дне. Обычный тетрадный лист в клеточку, вырванный из школьной тетради по геометрии. Бумага успела слегка пожелтеть по краям, чернила шариковой ручки немного выцвели, но каждое слово читалось отчетливо.

«Я, Ковалёв Павел Александрович, взял в долг у Ковалёвой Марины Васильевны сумму триста шестьдесят тысяч рублей на приобретение профессиональной подовой печи для производственного цеха. Обязуюсь вернуть указанную сумму в полном объеме по первому письменному требованию». И дата — пять лет назад.

Это были мои личные деньги, остаток от продажи бабушкиного деревянного дома в пригороде, которые лежали на моем вкладе задолго до того, как мы с Пашей расписались. Когда нашему старому производству перестало хватать мощности, когда заказы на темный бородинский и заварной хлеб пошли вверх, нам отчаянно требовался второй подовый шкаф. Денег на расчетном счете компании не хватало, кредит в банке Паше не одобряли из-за старых просрочек по потребительским картам. Я сняла деньги с книжки и отдала ему в руки. Он сам тогда настоял на расписке — целовал ме-

ня в висок, смеялся, говорил: «Маришка, это для порядка, мы же партнеры, я тебе до копейки все отдам с первой же прибыли».

Прибыль уходила в оборот, потом в ремонт фасада, потом в покупку второй машины для развоза, потом в новую витрину для Светланы. О долге никто не вспоминал, потому что «мы же семья, всё в один котел».

Я провела пальцем по Пашиной подписи — размашистой, с длинным самоуверенным хвостиком. Нет, эта бумага не имела отношения к Светлане и ее новым правам на пекарню. Это был личный долг мужчины, который спал в моей постели и пользовался моими деньгами. Я убрала расписку во внутренний карман сумки, застегнула молнию до упора и вышла из дома.

Утренний цех встретил меня привычным жаром и запахом кислого ржаного брожения. Тесто не знает предательства, оно живет по законам температуры, влажности и времени. Если опара подошла, ее нужно месить, иначе она перекиснет, упадет, превратится в липкую, безнадежную массу, из которой уже не выпечь ни пышного батона, ни хрустящего рогалика.

Нина стояла у мукопросеивателя. На голове — белый косыночный колпак, на фартуке — ровные серые полосы от мучной пыли. Глаза у нее были припухшие, под веками темнели тени. Она явно спала урывками и сейчас, завидя меня, испуганно дернула плечом, словно ждала, что я приду с кри-

ком или вовсе не появлюсь.

— Марина Васильевна... — выдохнула она, вытирая тыльной стороной ладони лоб. — А я думала... вчера такое было... Светлана эта ходила, распоряжалась, журнал смотрела... Павла Александровича ждала. Вы как?

— Нормально, Нина, — спокойно ответила я, вешая пальто на крючок в закутке для персонала. — Давай дежурные мерки. Сколько на опару ушло?

— Восемьдесят килограммов ржаной, сорок высшего сорта, — торопливо заговорила она, цепляясь за рабочие цифры как за спасательный круг. — На батоны опара уже поднялась, через пятнадцать минут обминать надо. А по слойкам... Светлана вчера сказала, что сегодня к открытию должно быть в два раза больше круассанов с вишней. Сказала, покупатели жалуются, что к восьми утра сладкого мало.

Я завязала тесемки фартука за спиной, подошла к деревянному корыту с тестом и погрузила в него руки. Тесто было живым, теплым, оно мягко пружинило под суставами, отдавая ладоням влажный дух перебродившего зерна.

— Никаких двойных круассанов, Нина, — ровным голосом сказала я. — Масло под слоение закладывается с вечера. Если мы сейчас начнем раскатывать холодный маргарин в теплое тесто, слои порвутся, масло вытечет на противень при выпечке, и мы получим жирные горелые сухари. Делаем ровно по технологической карте. Как всегда.

Нина облегченно вздохнула, но в глазах ее все равно плес-

калась тяжелая, липкая тревога. Она работала со мной семь лет. Она знала, как я дышу, как я слушаю гул тестомеса, как по одному цвету корочки определяю, что нижний тэн начинает сдавать. Но сегодня между нами легла тень. Нина чувствовала: то, что держало этот цех двенадцать лет, дало глубокую, неисправимую трещину.

Мы отработали первый утренний наплыв молча, в слаженном механическом ритме. Руки делали привычное дело: формовали батоны, отправляли вагонетки в расстоечный шкаф, выкатывали тяжелые металлические противни к печам. Жар от духовок бил в лицо сухой волной, на висках выступала испарина, но внутри у меня было холодно и пусто, как в выстуженном амбаре.

Около девяти утра в коридоре хлопнула входная дверь.

Тяжелые, уверенные шаги. Паша.

Он вошел в цех не в рабочей куртке, как бывало раньше, когда сам мог перехватить мешок или проверить работу вытяжки, а в хорошем шерстяном пальто поверх свежей рубашки. Пальто он не снял, только расстегнул пуговицы. От него пахло морозным воздухом, дорогим табаком и тонкими сладковатыми духами Светланы — тем самым пудровым ароматом, который последние недели въедался в обивку сидений его машины.

— Доброе утро, труженицы, — бодро произнес он, оглядывая цех хозяйским взглядом. Глаза его скользнули по Нине, задержались на мне. В этом взгляде не было вины. Там

была легкая настороженность и уверенность человека, который считает, что любая бабья буря рано или поздно утихает перед силой привычки и звонкой монетой. — Вижу, всё по графику. Ниночка, на витрину уже выложили заварной?

— Выложили, Павел Александрович, — тихо ответила Нина, вжимая голову в плечи и старательно заглаживая шов на очередной булке.

— Марина, зайди ко мне на две минуты, — бросил он и повернулся к дверям своего кабинета.

Я не побежала следом, как делала раньше, когда нужно было согласовать накладные или пожаловаться на барахлящий термодатчик. Спокойно довела партию ржаных батонов до пода, взяла деревянную лопату, ловким точным движением отправила заготовки в зев печи, закрыла тяжелую дверцу и засекла таймер. Только после этого сняла перчатки-краги, вытерла руки вафельным полотенцем, достала из кармана жилетки сложенные листы бумаги и пошла в кабинет.

Кабинет у Паши был крошечным, отгороженным от цеха гипсокартонной стеной. Здесь всегда стоял гул от вентиляционных труб, пахло старыми папками-скоросшивателями и растворимым кофе.

Павел сидел за столом, листал распечатки заказов и что-то помечал карандашом. При моем появлении он поднял голову и широко, чуть снисходительно улыбнулся.

— Садись, Мариш. Надо график на следующую неделю утрясти. После вчерашней пробной поставки нам комбинат

школьного питания подтвердил постоянный договор на булочки с маком, плюс юбилей у главы управы в следующую пятницу — там пятьдесят караваев и триста порционных расстегаев с горбушей. Объемы сумасшедшие, я прикинул: если добавить тебе в смену еще одну практикантку, мы снимем чистыми тысяч двести сверху.

Он говорил так, будто вчерашнего разговора не существовало. Будто он не сказал мне сорок восемь часов назад, глядя прямо в глаза: «Светлана теперь хозяйка, а ты приходи к шести, покупатели ждут». Он просто вычеркнул это, решив, что раз я вышла на смену и замесила тесто, значит, правила игры приняты.

Я подошла к столу, но садиться на стул для посетителей не стала. Положила перед ним оба листа белой бумаги.

Паша опустил глаза на верхний лист. Улыбка на его лице не исчезла сразу — она просто застыла, превратившись в нелепую, перекошенную гримасу. Он медленно протянул руку, взял заявление, пробежал глазами короткие строки.

— Это что за цирк? — голос его сразу потерял благодушную мягкость, стал резким, шершавым.

— Это заявление об увольнении по собственному желанию, Паша, — сказала я тихо и раздельно. — Подпиши второй экземпляр о принятии.

Он швырнул лист обратно на полированную столешницу.

— Марина, прекрати маяться дурью! — он подался вперед, уперся кулаками в стол. — У нас сезон на носу! Ты по-

нимаешь, что такое школьный контракт? Мы полгода за него бодались с комбинатом! Если мы сорвем первые поставки, с нас неустойку сдерут такую, что без штанов останемся! Кто будет вести смену? Нина? Да она от первого сбоя закваски в обморок упадет! Ты хочешь всё к чертям собачьим пустить из-за своего уязвленного самолюбия?

— У нас нет никакого контракта, Паша, — ответила я, глядя ему прямо в переносицу. — Контракт есть у ООО "Наш хлеб". А "Наш хлеб" принадлежит Светлане Рябовой. Ты подарил ей бизнес. Вот пусть хозяйка и думает, как обеспечивать свои обязательства.

— Я объяснил тебе по-человечески! — он повысил голос, вены на его шее вздулись, лицо налилось нездоровой краснотой. — Это формальность! Оптимизация! Свете проще вести отчетность, у нее льготный режим, у нас налоги упадут на треть! Я для кого это делаю? Для дела! Мы двенадцать лет горбатились, чтобы подняться, а ты сейчас берешь и втыкаешь мне нож в спину? Забыла, сколько мы вместе прошли?

— Я ничего не забыла, — пальцы мои сжались в кармане, но голос оставался ровным. — Именно поэтому я не устраиваю скандалов в торговом зале. Я подаю заявление по закону. По Трудовому кодексу я обязана отработать четырнадцать дней. Сегодня третий день месяца. Срок пойдет с завтрашнего утра. Семнадцатого числа у меня последняя смена.

— Да не подпишу я ничего! — рявкнул он, сгребая бумагу со стола и комкая ее в кулаке. — Забудь эту бумагу!

Слышишь? Забудь! Перебесишься и будешь работать! Никуда ты отсюда не уйдешь, потому что ты без этой пекарни — ноль! Ты жизнь на нее положила, ты дышать без этих печей не умеешь! Кому ты нужна в сорок шесть лет? На комбинат пойдешь за копейки у ленты стоять?

Его слова ударили хлестко, словно мокрая тряпка по лицу. Но боли не было — была только холодная, кристальная ясность. Он действительно считал, что моя любовь к профессии делает меня его крепостной. Что страх остаться за порогом заставит меня молча глотать любое унижение.

— Можешь рвать, — сказала я, глядя на его сжатый кулак. — У меня в сумке еще три копии. Если не примешь под роспись ты как генеральный директор, я прямо сейчас пойду на почту за углом и отправлю заявление заказным письмом с описью вложения на юридический адрес компании. Срок пойдет с момента вручения, и тогда я уйду ровно в тот день, когда придет уведомление. А могу остаться на больничном. Тебе какой вариант удобнее?

Паша тяжело задышал, глядя на меня снизу вверх. Он не привык видеть меня такой. За двенадцать лет он привык к Марине, которая сглаживает углы, которая уставшая улыбается после шестнадцати часов на ногах, которая говорит: «Ничего, Пашенька, прорвемся, главное, чтобы дело держалось». Перед ним стояла чужая, абсолютно незнакомая женщина с сухими глазами и неподвижными плечами.

В этот момент дверь кабинета приоткрылась, и на пороге

появилась Светлана.

На ней был строгий бежевый жакет, волосы аккуратно уложены, в руках — тонкая кожаная папка для документов. От нее пахло свежим кофе и дорогим кремом. Никакого фартука, никаких следов муки. Она вошла легкой, хозяйской походкой, но, почувствовав напряжение, замерла, переводя взгляд с перекошенного лица Павла на меня.

— Что здесь происходит? — спросила она мягко, но с той отчетливой ноткой начальственного тона, которую успела отрепетировать за последние дни. — Павел Александрович, вас в зале слышно. Покупатели оборачиваются.

Павел бросил скомканный лист на стол и отвернулся к окну, сунув руки в карманы брюк.

— Вот, полюбуйся. Наша незаменимая Марина Васильевна решила показать характер. Увольняется она. Накануне школьного контракта.

Светлана нахлынувшую неловкость скрыла мгновенно. Она закрыла за собой дверь, подошла ближе к столу, положила свою аккуратную папку поверх производственных накладных и посмотрела на меня с легким, почти снисходительным сочувствием.

— Марина Владимировна... то есть Васильевна, простите, — поправилась она с вежливой полуулыбкой. — Я понимаю ваши эмоции. Чисто по-женски понимаю, правда. Ситуация сложная, все на нервах. Но мы же взрослые, деловые люди. Зачем ломать то, что приносит стабильный доход? Павел мне

говорил, как много вы значите для производства. Я совершенно не планировала ничего менять в вашем статусе. Напротив.

Она сделала паузу, ожидая, видимо, что я заговорю. Я молчала, глядя на ее гладкие, ухоженные пальцы с безупречным французским маникюром. Эти руки никогда не вымешивали тугое тесто, никогда не обжигались о край противня, никогда не смывали въевшуюся мучную пыль хозяйственным мылом.

— Я готова оставить за вами прежний оклад в полном объеме, — продолжила Светлана уверенным тоном работодателя, делающего щедрую уступку. — Более того, по итогам сезона, если мы закроем школьные поставки без штрафов, я лично выпишу вам премию. Десять процентов от чистой прибыли по контракту. Вы продолжите руководить сменой, я не буду вмешиваться в технологические процессы. Мое дело — финансы, маркетинг и развитие. Ваше — качество выпечки. Это цивилизованный подход. Зачем уходить в никуда?

Я слушала ее и поражалась тому, с какой искренней, незамутненной простотой она примеряла на себя роль благодетельницы. Она действительно не видела в происходящем никакой подлости. Для нее это была просто удачная сделка: получить раскрученное предприятие, мужчину-директора и опытную рабочую силу в придачу, которой просто нужно пообещать небольшую премию, чтобы она не портила настроение.

— Светлана, — произнесла я спокойно, не повышая голоса. — Мой трудовой договор заключен с этой организацией, а не с вашей совестью. Я не торгуюсь за надбавку. Я ухожу.

Я достала из кармана жилетки второй, немятый экземпляр заявления, аккуратно разгладила его ладонью и положила на стол прямо перед Светланой.

— Вы теперь единственный участник общества с ограниченной ответственностью, если я правильно помню вчерашние объяснения Павла Александровича. А он — генеральный директор. Кто-то из вас двоих обязан расписаться в получении моего заявления. В противном случае через двадцать минут оно уйдет заказным письмом с Главпочтамта.

Светлана растерянно посмотрела на бумагу, потом перевела взгляд на Павла. Ее напускная деловая уверенность дала легкий сбой. Она была хорошим администратором, знала кассовую дисциплину, но управлять производством без ключевого мастера в чужом бизнесе не умела и сейчас впервые осознала, что этот мастер не продается за десять процентов от чужого барыша.

— Паша... — негромко позвала она. — Подпиши. Если человек так настроен, силой мы ее не удержим. Две недели у нас есть, найдем технолога по объявлению. Сейчас на рынке полно специалистов.

Павел резко повернулся от окна. Лицо его потемнело. Он понял, что проиграл этот раунд, и злость в нем смешалась с бессилием.

— Полно? — с горечью выплюнул он. — Да ты хоть одного нормального пекаря на наш объем найди за две недели! Они либо бухают, либо тесто через смену в помойку спускают!

— Значит, найдем двоих, — отрезала Светлана, в которой проснулась упрямая хозяйка. — Подпиши, Паша. Не позорься.

Павел подошел к столу, с ненавистью посмотрел на меня, схватил ручку и размашисто черканул в нижнем углу: «Принято. Ковалёв. 3-е число». Бросил ручку так, что она покатилась по полировке и упала на пол.

Я взяла свой экземпляр, аккуратно сложила его вчетверо и спрятала во внутренний карман рабочей жилетки.

— Семнадцатого числа — моя последняя смена, — сказала я. — До семнадцатого я работаю строго по графику. Никаких сверхурочных, никаких выходов в ночь под школьные караваи сверх табеля. Всё, что положено по моим должностным обязанностям, я выполню.

Я уже повернулась к двери, когда вспомнила о главном. Остановилась, держась за холодную металлическую ручку, и снова посмотрела на Павла.

— И еще одно, Паша.

Он вскинул голову с раздраженным недоумением: — Что еще?

— Триста шестьдесят тысяч рублей.

В кабинете повисла густая, тяжелая тишина. Павел за-

мер, его веки нервно дрогнули. Светлана удивленно вскинула брови, переводя взгляд с него на меня: — Какие триста шестьдесят тысяч? О чем она говорит?

— Расписка от четырнадцатого мая пять лет назад, — спокойно, без тени торжества сказала я. — Мои личные деньги, снятые с добрачного вклада, которые я передала тебе на покупку второй подовой печи. Печь стоит в цехе, исправно работает и, насколько я понимаю, теперь входит в имущественный комплекс, переданный Светлане. Но деньги у меня брала не фирма. Деньги брал ты, Павел Александрович, под личную подпись и обязательство вернуть по первому требованию.

— Марина, ты с ума сошла? — прошипел Павел, делая шаг ко мне и понижая голос, словно пытаясь скрыть подробности от любовницы. — Какая расписка? Это было пять лет назад! Мы на эти деньги расширялись! Ты сама хотела вторую печь!

— Я хотела развивать наше общее дело, — ответила я. — Но дела больше нет. Есть твой личный заём. Расписка лежит в надежном месте. Я не требую вернуть всё завтра утром, я реалист. Но бумагу я не выбросила и забывать о ней не собираюсь. Когда закончится моя отработка, мы вернемся к этому вопросу и составим график возврата.

— Паша, что это за долги? — голос Светланы стал пронзительным, в нем зазвенели стальные нотки. — Ты мне говорил, что у предприятия нет никаких скрытых кредитов и

частных займов! Мы же всё проверяли перед нотариусом!

— Это не предприятия долг! — сорвался Павел, багровея до корней волос. — Это... это наши семейные дела! Света, выйди, мы сами разберемся!

— Семейных дел больше нет, — сказала я, взявшись за ручку двери. — Есть трудовые отношения на ближайшие четырнадцать дней и твой личный долг, Паша. Дорабатываем смену.

Я открыла дверь и вышла в производственный коридор, плотно прикрыв за собой створку. За спиной еще слышались приглушенные, яростные голоса — Светлана требовала объяснений, Павел пытался оправдаться, сбиваясь и повышая тон, — но я больше не вслушивалась. Этот разговор больше не имел ко мне никакого отношения.

В цехе было шумно. Гудел тестомес, вытяжка тянула горячий воздух, наполненный запахом подпекающейся тминной корочки.

Нина стояла у стола разделки. Увидев меня, она бросила скребок для теста, торопливо вытерла руки о передник и шагнула навстречу. Лицо у нее было белее пшеничной муки.

— Марина Васильевна... — она поймала меня за локоть, пальцы ее мелко дрожали. — Вы... вы правда уходите? Я видела через стекло, как он бумагу подписывал... Правда?

Я посмотрела на ее перепуганные, растерянные глаза. Нине было сорок два года, у нее рос сын-подросток, которого она тянула одна после развода, и эта пекарня была для

нее единственной гарантией того, что первого и пятнадцатого числа на карточку упадут понятные, честно заработанные деньги. Она боялась. Боялась остаться один на один с новыми хозяевами, с капризным тестом, с поломками печей, с ответственностью, которую годами привыкла перекладывать на мои плечи.

— Правда, Нина. Я подала заявление. Отрабатываю две недели.

— Господи... да как же так? — у нее на глазах мгновенно навернулись слезы, подбородок затрясся. — А мы как же? Марина Васильевна, миленькая, вы же не можете нас бросить! Мы же тут пропадем без вас! Светлана эта... она же только орать умеет и пальчиком тыкать! Она же в муке ни черта не смыслит! А если опара перестоит? А если закваска скиснет? Кто температуру выставит? Кто с поставщиками по зерну разберется? Павел Александрович только руками машет, а чуть что — виноваты мы! Не бросайте нас, Марина Васильевна... Ну хотите, мы всем цехом пойдем, попросим, чтобы вам зарплату подняли? Ну нельзя же так... двенадцать лет ведь!

Ее слова жгли, как раскаленный противень. Это было самое трудное. Не Пашины крики, не высокомерные подачки Светланы, а этот искренний, слепой страх маленького человека, который привык, что ты держишь над ним зонтик от всех бурь. Мне хотелось обнять ее, успокоить, сказать привычное: «Ладно, Ниночка, не плачь, прорвемся».

Но я знала: если я скажу это сейчас, я снова подставлю свою шею. Чужой страх нельзя лечить собственной жизнью. Павел и Светлана рассчитывали именно на это — что жалость к девочкам свяжет меня по рукам и ногам крепче любых контрактов.

Я аккуратно сняла ее руку со своего локтя. Взяла ее холодные пальцы в свои, слегка сжала.

— Нина, послушай меня внимательно, — сказала я твердо, заглядывая ей в глаза. — Я не бросаю тебя посреди смены. У нас есть четырнадцать дней. За эти четырнадцать дней я научу тебя всему, что знаю сама. Я заведу отдельную тетрадь, распишу поминутно каждый шаг: от температуры воды при замесе до времени расстойки в сырую погоду. Ты семь лет стоишь рядом со мной. Ты умеешь чувствовать тесто руками не хуже меня, ты просто привыкла бояться собственной ответственности.

— Я не смогу... — всхлипнула она, качая головой. — Без вас — не смогу...

— Сможешь, — отрезала я. — Потому что придется. А оставаться здесь ради того, чтобы чужие люди зарабатывали на моем хребте, я больше не буду. Мое решение принято, Нина. И менять его я не стану.

Она отступила на полшага, вытирая слезы тыльной стороной запястья, оставляя на щеке полосу белой муки. В ее взгляде сквозила обида — глухая, детская обида человека, у которого внезапно отобрали привычную опору. Она еще

не понимала, что эта опора годами держалась на моем терпении, которое сегодня подошло к концу.

— Таймер звенит, — напомнила я ей тихо. — Выкатывай первую партию заварного. Хлеб не ждет, пока мы наплачемся.

Нина шмыгнула носом, натянула брезентовые рукавицы и пошла к пышущей жаром печи.

Я вернулась к раскроечному столу, натянула фартук потуже и взяла в руки кондитерский скребок.

Внутри не было ни паники, ни раскаяния. Только ровный, гулкий пульс в висках и странное, почти забытое чувство твердой земли под ногами. Заявление было подано. Дата была названа. Мой последний день в этих стенах перестал быть туманным будущим — он обрел точное число, час и минуту.

Впереди были четырнадцать смен. Четырнадцать дней честной, тяжелой работы, после которой я сниму этот белый фартук, положу ключи на стол и выйду на улицу свободной женщиной.

Глава 4

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.